

УДК 378.1 : 159.9
ББК 74.58 022

Образовательные практики: амплификация маргинальности

Альманах № 4

Серия «Университет в перспективе развития»

Белорусский государственный университет.
Центр проблем развития образования БГУ
Под ред. А.А. Забирко.
Мн.: Технопринт, 2000. – 184 с.

ISBN 985-464-059-0

В альманах включены материалы проблемно-разработческого семинара «университетское психологическое образование: оценка ситуации и возможные перспективы», проведенного в Белорусском государственном университете 21-23 сентября 2000 года, а также статьи в рамках тематики семинара, специально заказанные для данного сборника.

Содержание сборника фокусируется на проблематике новых форм университетской подготовки; предпринимаются попытки осмысления разных типов гуманитарных образовательных практик. Авторы данного сборника объединяет то обстоятельство, что каждый из них при обсуждении образовательных стратегий использует ту или иную форму критического дискурса.

Сборник статей ставит своей задачей расширение читательского опыта осмысления университетского образования путем привлечения ресурса, накопленного в текстах, проблематизирующих единообразие практик преподавания и создающих возможность для конструирования альтернативных педагогических концепций университетского образования.

Данное издание предназначено для преподавателей, ученых, исследователей проблем высшей школы, аспирантов, методистов и специалистов аппарата управления сферы образования.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Многообразие не данность, а проект. (с. 5)

Введение Чтение без контекста. (с. 8)

Коломинский Я.Л. Психологическая культура или психологическая цивилизация. (с. 12)

Слепович Е.С. Размышления специалиста об авторской практике "Психология ребенка с аномальным развитием". (с. 20)

Краснов Ю.Э. От вербально-технической к мыследеятельностно-самоопределенческой парадигме психологического образования. Опыт реконструкции становления и методологического обоснования проекта "ПРАКТИКА" как единица (университетского) психологического образования. (с. 25)

Фофанова Г.А. После лекции Полонникова А.А. Размышления психолога. (с. 36)

Харин С.С. Совершенство развития (теоретические аспекты личностно-профессионального становления субъекта научной деятельности). (с. 40)

Файферман В.В. Психологические особенности функционирования намерений в процессе профессиональной подготовки психологов. (с. 61)

Герасимова В.А. Просто ни о чем... (с. 68)

Джержен К.Дж. Социальное конструирование и педагогическая практика. (с. 74)

Соколова М.В. Лирическое эссе на тему "Об издержках педагогического процесса". Взгляд изнутри. (с. 102)

Полонников А.А. Сверхъестественность образования. (с. 106)

Корчалова Н.Д. Возможность и воображение. (с. 131)

Забирко А.А. Время и образование. Несколько метафор к образовательной практике. (с. 133)

Корбут А.М. Образование | проблематизация. (с. 136)

Интервью с человеком, не написавшим послесловие. (с. 158)

Забирко А.А., Герасимова В.А., Корбут А.М., Корчалова Н.Д., Полонников А.А. Комментирующий диалог как образовательная практика: конструирование события. (с. 162)

Совершенство развития

(теоретические аспекты личностно-профессионального становления субъекта научной деятельности)

ХАРИН Сергей Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Белорусского государственного университета, г. Минск.

Говоря об образовании, мы прежде всего выделяем его аспект, связанный с личностно-профессиональным становлением субъекта профессиональной деятельности. Онтогенетический срез заставляет нас вновь вспомнить мысль Л.С. Выготского о том, что величайшее своеобразие детского развития (это высказывание можно отнести и к развитию вообще) состоит в том, что, когда складывается начальная форма, уже имеет место идеальная форма, проявляющаяся в конце развития. К сожалению, такая точка зрения на развитие больше представлена в биологии, чем в психологии, и прежде всего в связи с проблемами морфогенеза (П. Вайсон, А. Гурвич, Р. Шелдрейк и др.). В настоящее время работы В.П. Зинченко, Б.Д. Эльконина и др. дали новый толчок в развитии идей Л.С. Выготского именно в области психологии.

Следуя в кильватере культурно-исторической концепции, считаем, что необходимо уточнить базовую категорию — идеальную форму (ИФ). ИФ, чтобы определять развитие, необходимо обладать целым рядом свойств. Прежде всего виртуальностью (*virtualis* (лат.) — возможный) — тем, что делает возможным возникновение чего-нибудь нового. Не следует отбрасывать и “классическое” значение виртуальности как наличия у чего-то принципиальной возможности появляться, возникать при определенных условиях. И конечно же, следует не сбрасывать со счетов и другое значение виртуальности — “нереальная реальность”.

ИФ — возможность, превращающая в действительность процесс развития, его новообразования. Альфа и омега, задающая целенаправленность, целеустремленность развития, находящие свое выражение в стремлении к личностному росту [18], в самоактуализации и трансцендировании [12], в стремлении к совершенству [2] и, наконец, быть может, в пассионарности^[1] [8], позволяет сделать предположение о принадлежности ИФ таких характеристик как энтелехийность^[2] и энергетичность.

Говоря об ИФ, Л.С. Выготский связывает ее с концом развития, но в данном случае речь, конечно же, идет о детском развитии. Между тем, расширяя диапазон видов развития, т.е. говоря не только о детском развитии, но и о развитии человека вообще, в рамках которого профессиональное образование рассматривается как одна из его составляющих, одна из линий развития, следует помнить о принципиальной незавершенности самореализации человека в процессе его жизнедеятельности [24], о том, что в своем отношении с Миром Человек выступает как “противоречивое бесконечно-конечное существо, как “особое”, т.е. как реализация, воплощение всеобщего в единичном. Только особенное, воплощая актуальную бесконечность, вынуждено, чтобы существовать, бесконечно развиваться, т.е. трансцендировать в форме потенциальной бесконечности. Именно поэтому справедлив афоризм: “Человеку, чтобы быть самим собой, нужно быть бесконечно больше себя” [3, 135].

Таким образом, если представить развитие человека как постоянное трансцендирование, в пределе — потенциальное бесконечное, то ИФ, чтобы быть не только альфой, но и омегой развития, должна также обладать потенциальной бесконечностью.

Для того, чтобы ИФ выполняла роль “горизонта”, “маяка”, она должна одновременно обладать и огромной проективной силой, выступая в качестве такого экрана, на который можно было бы спроецировать все неисчерпаемое многообразие Человека и Мира, экрана, позволяющего Человеку конструировать или реконструировать ощущение “своей глубокой субстанциональной связи с природой и миром, ощущение причастности к вневременной всеобщей основе бытия” [3, 134], экрана, позволяющего воссоздать или создать синкретизм “отношения-переживания-восприятия” родства и причастности к безмерной тайне себя самого и мира” [3, 135], экрана, дающего возможность пережить благоговение перед “тайной бытия мира и самого себя”, пережить ощущение того, что это “одна и та же Тайна”.

В поисках медиаторной формы

Применительно к развитию человека ИФ не может быть использована обыденно, утилитарно (речь идет все-таки об идеальном). ИФ проявляет себя в событийности с другой формой и через особые посреднические действия [31]. В связи с этим мы предлагаем ввести понятие “медиаторная форма” (МФ), которая обнаруживает в себе проекции идеального и реального и которая олицетворяет и индуцирует

, которая обнаруживает в себе проекции идеального и реального и которая олицетворяет и индуцирует границу перехода между идеальным и реальным.

В качестве одного из возможных действий по созданию МФ может выступать антропоморфизация, поскольку МФ в ее предельной антропоморфической проекции есть Человек, “который не есть ни “Я”, ни “Ты”, но который присутствует и в тебе, и во мне. Этот человек не принадлежит ни сегодня, ни завтра, но существует и в “сегодня”, и в “завтра”; Человек, который был здесь с самого начала и который будет здесь вплоть до Вечности. Это Великое Существо... Это Господь, Дух всех существующих религий. Назовем его, например, Богом на Небесах и этим перенесем в заоблачные выси, ведь Он превыше всего, что можно помыслить” [6, 118—119].

Это Великое Существо, которое превыше всего, выходит за рамки человеческой мысли (невозможно помыслить), всегда заоблачно недостижимо, Оно, чтобы иметь право на существование, должно стоять вне мира людей (нет ему места в этом мире!). Единственное, что остается человеку — это преклоняться и славить Его издали, обрекая тем самым на несуществование в этом мире. Но тогда это Существо будет не чем иным, как проекцией человека на пустоту пространства Вселенной [6], идеей, оживающей лишь только в человеческих умах.

Между тем потенциальная способность человека — развивать себя в рамках Мира, Вселенной, бесконечно развернутой в пространстве и времени, проникать в бесконечные глубины самого себя — должна все-таки быть соотнесена с реальными масштабами человека, его жизни, иметь “человекомер”.

Для того, чтобы развиваться, человеку необходимо выбрать правильный масштаб. Но как это сделать, если ему одновременно приходится осуществлять свою жизнедеятельность в рамках микрокосмоса (внутренний мир) и макрокосмоса (Мир, Вселенная). Как установить правильный масштаб, как одновременно не потерять себя и не утонуть в рефлексивных глубинах своего Я и одновременно, не выбирая по мелочам, натягивать тетиву лука до тех пор, пока ОН не достанет до Неба, пока человек не вместит в себя все, т.е. как ему не потерять (а может быть приобрести) способность к трансцендированию в “правильном масштабе”? Ибо ОН часто не знает масштаба того, к чему стремится.

Если в своем развитии человек исходит только “из себя”, то в пределе для него возникает потенциальная опасность быть поглощенным “темной дырой” рефлексии. В противоположном случае, т.е. если человек в своем становлении ориентирован только на “горний мир” идеального, то, опять же в пределе, возникает опасность его “растворения”, “рассеивания”, безграничного расширения за пределы человекомерности в “белой дыре” трансцендирования [3].

МФ как раз и дает возможность для установления “правильного” масштаба между Человеком и Миром. Если же перейти к перцептивной терминологии, то МФ — это не образ на стадии “мерцания формы”, а скорее “двойная фигура”, в которой идеальное сменяется реальным, а реальное, “человекомерное” вдруг перекрывается бесконечностью, универсальностью и т.д., и идеальное проступает, просвечивает через реальное, создавая прецедент трансцендирования.

Такая двойственность проекции идеального на “экран” реального, а реального — на “экран” идеального отражена и в названии культурно-исторического воплощения МФ — Богочеловек. “Посредник между Богом и людьми человек Христос Иисус встал между смертными грешниками и Бессмертным и Праведным — смертный как люди, праведный как Бог...” [1, 280]. Ведь Христос — вочеловечившийся Сын Бога!

МФ, обладающая всеми свойствами медиаторов [10], соединяет в себе казалось бы несоединимое; с одной стороны, пространственно-временные в онтологическом смысле, в плане реальной человеческой жизни, ограничения, ведь Христос был одним из нас и жил среди людей, с феноменологическим планом, характеризующимся безграничностью времени и пространства и идущим из культуры, истории, из ноосферы, от Бога, от Абсолюта, т.е. из вечности в вечность со всеми мыслимыми общечеловеческими ценностями и смыслами” [10, 11].

МФ обладает некоторыми конкретными характеристиками ИФ. Например, проективностью, энергичностью и виртуальностью. Эта последняя находит свое выражение в возможности для осуществления синтеза объективного и субъективного (например, в хронотопе).

Самое же главное заключается в том, что благодаря своей двойственной природе МФ устанавливает связь между идеальным и реальным в ходе “Богочеловеческого “взаимодействия”, т.е. встречного процесса “нисхождения Абсолюта в тварь и восхождения твари к Абсолюту” [10]. В этой мысли В.С. Соловьева В.П. Зинченко подчеркивает не только двусторонний характер отношений между Абсолютом и тварью, не только то, что тварь перенимает черты Абсолюта, но и то, что Абсолют не является неизменным, вбирает в себя элементы собственных творений, человеческие свойства, опыт человеческой истории, т.е. антропоморфизируется. Не этой ли способностью Абсолюта объясняется интенсивное развитие гуманистической психологии?

Таким образом, МФ осуществляет посреднические функции во взаимодействии идеальной и

Таким образом, МФ осуществляет посреднические функции во взаимодействии идеальной и реальной форм. Она (МФ) фасилитирует переход из мира реального в идеальный мир и обратно. При этом МФ связана с границей перехода и с самим этим переходом (реальное — это то, что до границы перехода). Мир реального в контексте развития можно определить как синтез настоящего и прошлого. Причем неважно, представлены ли они объективно как материальные объекты или же субъективно как образы. Идеальное — это то, что связано с перспективой развития, как что-то в будущем, причем опять же неважно, имеет ли это объективное или субъективное воплощение. В МФ поэтому представлены все три цвета времени: прошлое, настоящее, будущее.

Работа с переносом как модель взаимодействия реальной и медиаторной форм

Перенос как реальная форма (РФ) в “объективном” плане может быть представлен как некая специфика поведения пациента: уход, сопротивление и т.п. В “субъективном” плане, в сознании терапевта, перенос как один из аспектов терапевтических отношений также имеет свою репрезентацию. По временной координате перенос — это нечто из жизни пациента, из “там и тогда”, которое актуализируется в терапевтическом взаимодействии “здесь и теперь”, т.е. говоря по-другому, перенос — это сплав прошлого и настоящего.

Терапевт в этом контексте выступает скорее как МФ. Он — переходная фигура в жизни пациента/клиента [28], он — проводник в новое жизненно-смысловое пространство, к иному экзистенциальному состоянию^[4] [7]. В контексте переноса и работы с ним в терапевте для пациента “слиты” все “три цвета времени”: прошлое (активизация прошлого опыта взаимодействия); настоящее (проекция на терапевта, контекст реальных терапевтических отношений); будущее (терапевт — символ, знак, миф (т.е. медиатор) позитивных изменений). Здесь же добавим, что терапевт — это часто еще и родительская фигура.

В процессе работы с трансфером терапевт часто использует себя, терапевтическое общение в качестве экрана для проекции, что помогает клиенту разбалансировать свои чувства (энергетический аспект взаимодействия форм), стать более восприимчивым к терапии и сосредоточиться на своих трансферных реакциях. Таким образом, терапевт действительно выступает в качестве посредника (МФ) в изменении границ реальной формы (трансфера).

Однако, чтобы пересечь границу, выйти за пределы существующей реальной формы, необходимо как-то очертить границы этой формы. В пользу данного утверждения свидетельствует также и основной постулат парадоксальной теории изменений: для того, чтобы изменение произошло, необходимо знать, с чем имеешь дело “здесь и теперь”.

Одним из важных психологических моментов работы с трансфером является его “оживление”: активизация прошлого клиента, его воспоминаний в связи с его личной историей, привлечение внимания клиента, его мыслей именно в этом направлении, оказание ему помощи в понимании его личностных реакций в любых жизненных ситуациях [22], т.е. осуществление целого ряда действий по “материализации” трансфера, как бы перевода его из виртуального плана в реальный. Говоря гештальт-языком, прорисовываются контуры фигуры. Здесь же одновременно и определенная энергетизация клиента.

В тех ситуациях психотерапии, когда клиент отказывается признать трансфер, исследовать его, т.е. когда возникает явное сопротивление позитивным изменениям, а клиент не желает очерчивать границы явления (РФ), терапевту часто не остается ничего другого, как описать ему модель трансфера в качестве первого шага по вовлечению клиента в исследование собственного трансфера. Таким своим действием терапевт фактически делает ни что иное, как формирует в сознании клиента “фигуру” трансфера, т.е. “о-формо-вываает” его.

Следующий момент анализа связан с тем, что трансфер, по мнению З.Фрейда, это то явление, в рамках которого необходимо побеждать любой внутренний конфликт пациента. Как раз в своих взаимоотношениях с терапевтом он и прорисовывает такие свои конфликты. Хотя речь идет о внутренних конфликтах, которые, возможно, являются интроецированными ранее “объект-представлениями” [16]. Между тем, пользуясь в качестве аналогии межличностным конфликтом, следует заметить, что это всегда нарушение или отстаивание участниками границ других или своих собственных.

В-третьих, для того, чтобы, например, аналитик мог интерпретировать перенос, он не только совместно с пациентом должен очертить трансфер, проявить его и для себя, и для клиента, но и, независимо от содержания и типа интерпретации, не нарушать “здесь и теперь” определенные границы взаимодействия.

Это, в свою очередь, позволяет клиенту восстановить свои границы в рамках психотерапевтических отношений.

Более того, отсутствие конfluence позволяет терапевту более успешно выступать в качестве экрана для проекций клиента. Отсутствие слияния в терапевтических отношениях — условие возникновения “внезаходности” [5] как бескорыстного, бережного созерцания “человека в человеке”, требующего напряжения любящей души [23; 24] и предполагающего ориентацию, соприкосновение с

вечным, духовным началом в человеке; это одновременно и выход за рамки наличного бытия личности. А все это со всей очевидностью отправляет нас в лоно идеального.

Рассмотрение трансфера как РФ позволяет определить эту последнюю как “объект с выявленными и очерченными границами”, которые не являются ригидными по своему характеру, а потенциально готовы к изменению в процессе взаимодействия с МФ.

Дополнительной иллюстрацией к этому выводу могут служить представления о прегнантной и метастабильной форме. Последняя — это форма, находящаяся в динамическом равновесии, всегда потенциально готовая к превращению, изменению, развитию. Прегнантная же форма, здесь она рассматривается не в традиционном перцептивном контексте, а в контексте развития, — стабильное состояние, это “состояние смерти, это... состояние разрушения, начиная с которого невозможна никакая трансформация без вмешательства внешней энергии в разрушенную систему” [17, 25]. Здесь можно привести некоторую аналогию с клинической смертью, когда жизнь, а стало быть и позитивная, продуктивная деятельность человека, его организма связаны с активным вмешательством врачей в его систему жизнеобеспечения.

В отличие от прегнантной “хорошая” форма “... более уже не простая форма, геометрическая форма, прегнантная и т.д., но форма сигнификативная, значит, запечатлевающаяся в сознании, т.е. та, которая устанавливает трансдуктивный^[5] порядок внутри метастабильной системы, реальной системы, содержащей в себе потенциал изменения” [17, 25].

Итак, во-первых, по своим некоторым характеристикам (сигнификативности и виртуальности как дающей возможность для появления нового) “хорошая” форма близка к МФ.

Во-вторых, сопоставление форм “прегантной” и “хорошей” позволяет выделить одну из важнейших характеристик РФ — потенциальность к позитивным изменениям, т.е. наличие в ней потенциала, связанного с преодолением границ.

В-третьих, можно предположить, что для того, чтобы был активизирован позитивный потенциал РФ, между ней и МФ должны установиться отношения резонанса. Поскольку трансдуктивные действия связаны прежде всего со структурными характеристиками системы, а эффект резонанса — с энергетической составляющей взаимодействия форм, с разблокированием и/или индуцированием энергии в системе, как следствие приводящим к трансцендированию (выходу РФ за пределы собственных границ) и метастабильности (не только преодоление старых границ, но и обретение новых). Благодаря установлению резонансных отношений (отношений “симпатии и подобия” между МФ и РФ) эта последняя “делает свой выбор не в пользу формы прегнантной, а в пользу “хорошей” формы. РФ “выбирает” не смерть, а развитие, совершенство, полноту и целостность жизни.

Силовые линии развития

В качестве одного из необходимых условий позитивного развития выступает установление отношений между формами. Нам представляется, что эти отношения, которые были названы нами “онтопсихологические отношения” [25], являются силовыми линиями психологических полей развития. Корректность такой гипотезы может быть подтверждена ссылкой на работы Б.С. Кузина, который идею о силовых линиях развития биологических полей переносит на межличностные отношения [11], на работы Симондона [17] по анализу феноменологии психологических полей.

В качестве возможной модели, позволяющей рассмотреть силовые линии развития, обратимся к диалектике становления комплекса неполноценности и комплекса превосходства.

Согласно А. Адлеру [2], чувство неполноценности и, как некая поляриность ему, чувство превосходства (рассматриваемое здесь скорее как стремление к превосходству с целью достижения совершенства) являются постоянными составляющими жизни человека. Комплекс неполноценности и комплекс превосходства — это некие застывшие, прегнантные формы чувства превосходства и неполноценности. Таким образом, анализ данных видов комплексов вновь возвращает нас к проблеме границ.

А. Адлер выделяет причины, “три вида страданий”, которые способствуют возникновению комплекса неполноценности: неполноценность органов, чрезмерная опека и отвержение со стороны родителей. Рассмотрим виды этих причин, лежащих в основе возникновения комплекса неполноценности, согласно их вкладу в формирование личностных границ ребенка. Чрезмерная опека, например, может приводить к слиянию с родителями, к поглощению ребенка или к размыванию его границ и подмене их границами другого. Отвержение со стороны родителей, полное пренебрежение ребенком или отсутствие полноценного взаимодействия создает вокруг него некое подобие психологического вакуума, в котором он не может найти опору для выстраивания своих границ с социальным миром. Неполноценность какого-либо органа позволяет ребенку довольно рано устанавливать его отличие от других, т.е. фактически проводить границу между собой и другими людьми. Однако эта граница выстраивается очень локально и “проходит” через дефектный орган, что делает ее довольно иллюстративной для субъекта, но и одновременно максимально ограничивает возможность

довольно иллюстративной для субъекта, но и одновременно максимально ограничивает возможность последнего в установлении широкого плодотворного контакта с миром.

Если рассматривать эти причины, приводящие к комплексу неполноценности, с «отношенческой» стороны, то возникает следующая картина. В случае чрезмерной опеки, поглощения ребенка взрослым логично предположить, что это как-то связано с ассимиляцией, уподоблением «под себя», точнее под свои потребности, т.е. можно сказать, что в основе опеки лежит отношение подобия.

Тогда отвержение можно рассматривать как нежелание взрослых признавать подобие, равенство ребенка им. Этот механизм отвержения и принятия достаточно хорошо описан в социальной психологии и как раз и связан со сходством (групповая идентификация) и со сходством-различием в системе отношений «Мы-они» [15].

В случае же с неполноценным органом мы вновь встречаемся со сходством и различием и их ролью в возникновении комплекса неполноценности. Так как какой-то очевидный дефект, мешающий, например, ребенку полноценно участвовать в делах детского сообщества, делает его отличным от других детей.

В рамках комплекса неполноценности ребенок (вероятно, и взрослый) может установить отношения подобия, которые имеют «неполноценный» характер и которые мы обозначили как отношения аверсивно-реверсивного подобия. В качестве примера приведем те случаи, когда ребенок с развитым комплексом неполноценности намеренно избегает более сильных детей и играет с теми, кто слабее его, кто позволяет управлять собой и подавлять себя.

Если же подходить к комплексу неполноценности с мерками РФ, то неопозитивный характер данной формы в контексте развития и комплекс неполноценности можно рассматривать как пример превращенной формы [9], которая определяется, с одной стороны, невозможностью субъекта (ребенка) установить полноценные границы с миром, а с другой — отсутствием возможности установить отношения «здорового» подобия с МФ (взрослыми, детьми без дефектов).

Компенсаторная роль комплекса превосходства также связана с проблемой установления границ. Ведь, как правило, субъект пытается добиться превосходства лишь в очень узком диапазоне личностных характеристик, что позволяет ему легко ощущать свою уникальность. Так, например, А.Адлер описывает поведение одной из своих пациенток, которая, чтобы преодолеть комплекс неполноценности, постоянно мылась, стараясь быть самой чистой в мире и при этом максимально сократив свои непосредственные контакты с миром.

Или описанный им же другой случай с мужчиной, который сделался знатоком кинозвезд, отвергая при этом все другие темы общения и целенаправленно отыскивая людей, перед которыми он мог бы продемонстрировать свою компетентность.

А. Адлер замечательно метафорически обозначил комплекс превосходства как попытку человека «вытащить самого себя за волосы». Этот образ еще раз подчеркивает несомненную ограниченность, зацикленность поведения таких людей. Лишенный возможности устанавливать и реализовывать отношения подобия с миром в рамках комплекса неполноценности, человек стремится максимально, даже гипертрофированно, усилить другую полярность, т.е. пытается максимально усилить различия между ним и другими людьми, пытается провести локальную границу самопревосходства, «вытащить себя самого за волосы» в рамках узкого диапазона своего метапревосходства.

В концепции А. Адлера комплексам неполноценности и превосходства противопоставлены чувство неполноценности (несовершенства) и чувство превосходства (совершенства) как позитивная альтернатива, как те формы, которые призваны подчеркнуть наличие у человека природного стремления к совершенству, вечно недостижимому и вечно манящему.

Между чувствами неполноценности и превосходства существует связь. Между ними, считает А. Адлер [2], устанавливаются отношения дополненности, состоящие в том, что когда мы сталкиваемся с превосходством, мы всегда можем обнаружить, что изначально в его истоках лежит чувство неполноценности. Здесь, на наш взгляд, следует прежде всего подчеркнуть следующие два момента (которые не исчерпывают всей глубины отношений между этими чувствами). Первый призван подчеркнуть тот факт, что логику развития можно представить как постоянный переход от неполноценности (ощущения своего несовершенства) к превосходству, понимаемому здесь скорее как преодоление человеком своего несовершенства, выход за границы этого несовершенства и как переход к некоей форме совершенства. В данном случае речь, вероятно, должна идти о какой-то процессуальной, динамической дополненности в том плане, что результат иногда невозможно по достоинству оценить, не зная замысел и не соизмеряя с ним весь пройденный путь. Одновременно здесь и намек и на некоторую целостность.

Отправной точкой для рассмотрения второго момента в отношениях дополненности между чувствами несовершенства и совершенства служит утверждение о том, что само по себе превосходство (совершенство) не имеет четких границ, говоря по-другому, это весьма метастабильная форма, готовая превратиться в несовершенную форму. Превосходство приобретает свои границы, является как форма совершенства если оно дополняется т.е. каким-то образом ассоциируется с неполноценностью. В то же

совершенства, если оно дополняется, т.е. каким-то образом ассоциируется с неполноценностью. В то же время это и композиционные отношения.

Совершенство, к которому стремится человек, всегда, в принципе, недостижимо, потому что через форму совершенства начинают проступать черты несовершенства, которые вновь “снимаются” очередным уровнем совершенства и т.д. Таким образом, несовершенство выступает фоном, позволяющим более рельефно предстать совершенству, которое, в свою очередь, само становится фоном, т.е. несовершенством, для новой метастабильной формы совершенства. А фоно-фигурные отношения предполагают отношения композиции. Композиция помимо всего прочего предполагает и некоторое целостное восприятие (если переходить в лоно искусства), структурированное рамками, границами этой целостности, что вновь возвращает нас к вопросу границ совершенства.

Все эти размышления становятся более понятными в ходе иллюстрации. А.Адлер с оптимизмом смотрел на человека. Он считал, что комплекс неполноценности может быть позитивно преодолен, если индивид развивает в себе стремление к совершенству. Так, например, человек, имевший в детстве проблемы с желудком и на себе испытывавший необходимость качественного и диетического питания, может стать выдающимся кулинаром и диетологом.

В этом примере явно угадывается отношение дополнительности: несовершенство органа дополнено совершенством в реальной и социально значимой деятельности. Причем в контексте этой деятельности болезнь желудка — лишь некая часть более широкого поля проблем питания и диетологии. Помимо всего прочего (высокостатусной социальной роли, общественного признания), этот человек, благодаря достигнутому профессионализму, может сделать более совершенными работу своего дефектного органа, т.е. “дополнить” его совершенством.

Здесь уместно вновь вспомнить один из примеров, иллюстрирующий ранее феноменологию комплекса превосходства. Речь пойдет о человеке, ставшем знатоком кинозвезд и демонстрировавшем свои знания в этой области другим людям. В связи с данным и предыдущим примером уместно обратиться к понятию “превращенная форма”, которая является продуктом превращения внутренних отношений системы, призвана выполнять функцию замещения, связанную с восстановлением некой функциональной целостности [9]. Знание кинозвезд в данном случае — это некая превращенная форма, некий “квазипредмет”, призванный компенсировать комплекс неполноценности и придать некую дополнительную символическую ценность комплексу превосходства. Для человека, не являющегося киноведом, не работающего в сфере искусства, знание кинозвезд — это по большому счету квазипользные знания. Однако они могут выступать в качестве своеобразного трамплина, индуцирующего после дальнейших действий дальнейшее развитие системы под названием “комплекс неполноценности”. Таким образом, этот квазипредмет, который в обыденном сознании представлен и действует непосредственно как некая неразложимая реальность, направлен на то, чтобы усилить степень прегнантности комплекса неполноценности, сохранить его как стабильную систему.

В случае с “дефектным желудком” он не приобретает для его хозяина, по-видимому, символическую, квазипредметную функцию неполноценности, а становится одним из отправных пунктов формирования позитивной, основывающейся на совершенстве, функциональной целостности. Тем самым этот дефект перестает быть квазипредметом, перестает обладать ценностью для построения все более совершенной функциональной целостности

Таким образом, если превращенную форму рассматривать как частный случай РФ, то развитие приобретает позитивный характер, когда РФ не просто становится частью какой-то системы, когда она находится в отношениях композиции с МФ, но только тогда, когда эта МФ обладает метастабильностью, когда она является частью жизни, которая есть достижение цели или формы, а стремление к превосходству является движущей силой для достижения новой совершенной формы.

Фиктивная цель как пример медиаторной формы

Композиция, целостный образ, чтобы возникнуть, должен быть подчинен какому-то плану, замыслу, организован в пространстве и времени. В качестве возможного образования, которое функционально обеспечивает целостность, могут выступать цели, намечаемые индивидом здесь и теперь, но в плане будущего. Цели способствуют структурированию жизнедеятельности, делают ее более предсказуемой для человека, более осмысленной.

В достаточно обширном каталоге типов целей остановимся лишь на одной из них — фиктивной. Фиктивная цель как теоретический конструкт является базовой в концепции фикционного финализма А.Адлера [29]. Принципиальное отличие данного типа цели от остальных состоит в том, что она не просто выносится субъектом жизнедеятельности в будущее, но, в принципе, в недостижимое будущее (эффект горизонта). Ее прямое соотнесение с реальностью (имеется в виду реальность повседневной жизни) невозможно ни проверить, ни подтвердить, т.е. фиктивная цель обладает виртуальностью. Однако, несмотря на свою очевидную виртуальность, она обладает смыслопорождающим (т.е. целостнопорождающим) эффектом. Фиктивная цель помогает человеку преодолевать принципиальную незавершенность своей жизни, фасилитирует его погоню за совершенством, т.е. содействует решению онтологических задач. Фиктивная цель связана и с феноменологическим пластом бытия. Ее можно

рассматривать в качестве культурно-исторического интроекта^[6] (вера, стереотипизированные жизненные кредо, гендерные установки и т.п.). Нам представляется, что фиктивную цель можно рассматривать как конкретное воплощение МФ, призванной обслуживать онтологические и феноменологические “нужды” человека. В качестве наиболее яркого примера, в котором находят свое отражение все перечисленные выше свойства фиктивной цели, можно привести веру людей в загробную жизнь.

Далее, именно с позиции предположения о том, что фиктивная цель может выступать в качестве МФ, обеспечивающей масштаб перспектив развития, проанализируем две генетические ситуации. Первая из них связана с овладением детьми опытом поиска целей, детерминирующих их саморазвитие. В качестве образца совершенства может быть выбрана “сильная личность”, кто-либо из взрослых, которому ребенок начинает подражать (устанавливает отношения подобия). Позже в качестве идеала, цели развития, может быть выбран другой взрослый и т.д. Взрослые в данном примере выступают в качестве формы некоего относительного совершенства, относительно актуальных потребностей, интересов, ценностей ребенка. Взрослый, являясь целью, омегой детского развития, не обладает статусом фиктивной цели, но при этом несомненно является МФ, в которой идеально представлено, если так можно выразиться, относительно, локально, ограничено, выступает как идеализация реально достижимой цели.

Взрослые люди, в процессе своей погони за совершенством, также часто ориентируются на других, на их реальные достижения. Интересно при этом то, что человек, ориентируясь на такую реальную “идеальную” цель, пытаясь достичь некой формы относительного совершенства, вступает с ней в целый ряд отношений. При этом мы можем найти отношение подобия (установление сходства и различий, желание подражать). Отношения дополнительности — при определении субъектом развития того, что особо ценно для меня у другого, что я могу “взять” у него и чем, соответственно, “дополнить” себя. Отношения композиции: то, что я “возьму”, должно быть как-то усвоено, ассимилировано субъектом, “встроено” в картину его жизненного мира. Более того, ценность другого для меня определяется неким контекстом, некой более широкой целостностью (например, профессиональным сообществом), которая, фактически, и задает для меня ценность другого, ценность меня самого в сравнении с этим другим, третьим и т.д.

Однако, несмотря на многообразие отношений между формами, “взрослое” развитие принципиально не отличается от развития детского, т.е. по своей природе остается детским. Но что же тогда позволяет отдельным представителям рода человеческого превосходить в своих достижениях этот же самый род? Происходит это потому, что человечество не только научилось использовать МФ в целях достижения совершенства (того, что не имеет пределов), но, более того, научилось “превозмогать” МФ, использовать ее в своих повседневных целях в виде постановки и стремления к целям фиктивным^[7], которые, как и МФ, всегда выходят за “края” человеческой жизни, но одновременно являются частью этой жизни. Поэтому истинное развитие (в самом широком смысле) происходит тогда, когда субъект старается выйти за пределы не только себя самого, другого, но и за пределы человека.

Заговорив о “пределе”, следует обратить внимание еще на одну мысль А.Адлера, которая, по нашему мнению, позволяет заострить внимание на телеологичности (финализме) и энтелехийности (целеустремленности) финальной цели. Речь идет о том, что “в конечном счете “иметь цель” — означает стремление быть как Бог. Но быть как Бог, конечно же, это предельная цель, или, если можно так выразиться, цель целей” [2, 29].

Целеполагание быть Богом связано с ограничением социального интереса, более того, оно может быть трансформировано в грандиозный комплекс превосходства. В связи с этим возникает вопрос: как, каким образом возможно целеполагание в форме фиктивной цели, но без опасности ухода от чувства совершенства в комплекс превосходства? Как нам кажется, ответ на этот вопрос лежит в самом стремлении человека к совершенству, в стремлении к превосходству над самим собой “де-факто”. Если человек именно это делает главной целью своей жизни, которая одновременно и фиктивная цель, так как превосходство и совершенство не имеют четких (конечных) границ, если именно это приобретает для него бытийную ценность, то тогда главным для него становится не результат, так как он фиктивен, виртуален, а процесс восхождения к божественным вершинам, процесс не только архитрудный (здесь следовало бы остановиться на роли Веры как фиктивной цели в этом процессе), но и практически бесконечный, если соизмерять его с реальной продолжительностью жизни человека.

Результатом в данном случае могут выступать: ощущения, отклики человека, его резонанс на явления ему совершенства, которое приобретает особую ценность и, возможно, связано с пиковыми переживаниями. Тогда в силу того, что стремление к совершенству свойственно природе рода человеческого, а стало быть и каждому из его представителей, индивиды оказываются всегда эквивалентны (равноценны) друг другу в самом этом стремлении, а не в своих жизненных достижениях, умениях, знаниях, навыках, которые, в принципе, всегда конкретны, реальны и четко очерчены, а потому и различны. В противовес этому, трудно устанавливать границы между собой и другими, руководствуясь тем, что само не имеет четких границ (стремление к совершенству), а поэтому исчезает почва для возникновения комплекса превосходства, комплекса Бога, а скорее, если пользоваться терминологией гештальтпсихологии, возникает ощущение общей судьбы, осененной идеальным.

возникновения комплекса превосходства, комплекса Бога, а скорее, если пользоваться терминологией гештальтпсихологии, возникает ощущение общей судьбы, осененной идеальным.

В целях лучшего понимания логики личностно-профессионального развития необходимо отразить ключевые моменты процесса его становления. В связи с этим нами предлагается модель, включающая типологию отношений субъекта научной деятельности с наукой как сферой бытия. Ее актуальность возрастает благодаря тому, что существующая практика подготовки ученых адресуется прежде всего к их интеллекту в ущерб другим сферам психической деятельности (например, эмоциональной, с которой тесно связано вдохновение).

При организации процесса формирования ученого акцент делается прежде всего на умениях добывать, отбирать и анализировать информацию. Меньше внимания обращается на технологию формирования научного мышления, и, к сожалению, из поля рассмотрения выпадают вопросы преодоления авторитетов, без чего нельзя сделать шаг к новому. Более того, не уделяется внимание развитию навыков работы со своими психологическими состояниями, снятию барьеров, связанных со страхом научной зрелости, страхом успеха и неудач [7].

Решение этих проблем может быть соотнесено с характером личностно-профессиональных отношений субъекта деятельности с Миром, которые мы назвали онтопсихологическими [25]. Они могут быть отразены субъектом с последующим переходом от одного вида отношений к другому (другим). Все это может выступать в качестве необходимого условия как для ухода субъекта научной деятельности от возможного стресса, вызываемого задачами и сложностью научных проблем, так и для успешной адаптации к деятельности и к личностно-профессиональному росту [23].

Вступая в новую для него сферу жизнедеятельности, человек опирается прежде всего на личный опыт, собственное представление о ней, на некие имплицитные знания, чувства и переживания. Речь идет прежде всего о психологическом опыте личности, определяемом К.Роджерсом как дорефлексивная часть сознания: "Переживание опыта... прекоцептуально и содержит имплицитные знания" [18, 223]. Поэтому он должен быть каким-то образом отразен субъектом, проявлен в тех конкретных условиях, которые предъявляет новая деятельность. Ее новизна, стрессогенный характер неопределенности побуждают субъекта к использованию прошлого в качестве образца или ключа для понимания настоящего. Так, например, исследование групповой динамики показывают, что незнакомые люди, помещенные в ситуацию вынужденного общения друг с другом, после некоторого замешательства пытаются психологически "вскрыть" ситуацию, опираясь на свой опыт или побуждая других к проявлению собственного коммуникативного опыта [14; 15].

Похожие вещи, как нам кажется, происходят и с начинающим ученым, который пытается активизировать свой опыт, точнее, клишировать уже сформированные навыки, умения, способы мышления. В связи с этим можно выделить, например, методический подход, когда научные проблемы воспринимаются лишь с методической точки зрения; диагностический, заключающийся в стремлении проводить новые эксперименты без попыток системного осмысления их результатов; "когнитивный", связанный в первую очередь с приобретением новых знаний.

Ученые, призванные осуществлять руководство, часто опираются на выработанные ими клише и способы работы с аспирантами без учета их индивидуальных особенностей. В случаях, когда эти подходы не срабатывают, перед руководителем встает проблема поиска новых путей, тех ключей, которые помогли бы максимально раскрыть потенциал аспиранта, т.е. в определенной степени реализовать схему комплементарных отношений "ключ-замок", и тем самым как бы загоняют себя в рамки РФ.

Задача научного руководителя (МФ) состоит в том, чтобы помочь начинающему ученому отразить свой опыт, найти среди его многообразия именно тот, который может выступить в качестве своеобразного ключа (ключей) и который поможет ему открыть дверь в мир науки. Часто в его качестве могут выступать объективные успехи субъекта деятельности, которые связаны с переживанием не только чувства успеха, но и чувства новизны, чувства приращения нового опыта, т.е. та феноменология, которая связана с расширением границ.

В качестве образца стиля научной деятельности начинающий ученый в основном избирает тех ученых, рядом с которыми он находится, пытается "делать жизнь с них". Наблюдение за деятельностью других людей, подражание им является очень важным моментом научения как в детстве, так и в более зрелом возрасте. Такое подражание или желание походить на кого-либо, в чем-то быть подобным другому, сильно и эффективно лишь тогда, когда модели опыта представлены высококомпетентными специалистами [30], т.е. в определенной степени идеальной формой.

Ученые-фасилитаторы, облегчающие "врастание" молодого коллеги в мир науки, часто исходят из собственного опыта или предлагают его в качестве своеобразного case study. Все это содействует у субъекта деятельности активизации подражания. Такая реализация отношений подражания — это в определенной мере позитивный этап в становлении ученого.

Однако на этом пути иногда появляются опасности, связанные с поиском молодым ученым внутренней стабильности в противоречивом и постоянно меняющемся развивающемся мире науки. В

Однако на этом пути иногда появляются опасности, связанные с поиском молодым ученым внутренней стабильности в противоречивом и постоянно меняющемся, развивающемся мире науки. В связи с этим возникает потребность в опоре на авторитетные родительские фигуры, например, в виде конfluence с научным руководителем, которая может выражаться, в частности, в потере способности различать идеи руководителя и свои собственные, в невозможности критично воспринимать предлагаемые идеи, в нежелании брать на себя ответственность при выдвижении и доказательстве гипотез и т.п. Все это приводит к тому, что предполагаемый научный диалог становится невозможен, исчезает возможность для «внеаходимости». Часто научный руководитель вместо развития своих идей получает их пересказ в исполнении аспиранта, который, по сути, выполняет функции эха. В результате проигрывают обе стороны. К. Роджерс, вспоминая о своем профессиональном росте, особо отмечал трудность, связанную с преодолением авторитетов. В результате такой рефлексии он даже выработал своеобразное кредо: «Опыт для меня является самым высоким авторитетом» [18].

В связи с этим возникает необходимость в том, чтобы совершился «акт отделения» и приобретения молодым ученым относительной автономии, способности к принятию ответственности за выдвигаемые научные идеи, свой личный успех и опыт. Это может быть достигнуто через снятие гиперопеки, некоторое осознанное дистанцирование научного руководителя не в сфере межличностных отношений, а в сфере чисто научной деятельности. Руководитель-фасилитатор должен четко отрефлексировать свою позицию по отношению к молодому ученому: делать ли из него восторженного слушателя, т.е. ориентировать его на себя как на ИФ и тем самым помогать превращению его в своеобразное средство для укрепления своего «эго» или способствовать созданию таких условий, которые побуждали бы начинающего ученого свободно высказывать любые идеи в атмосфере психологического комфорта (организовывая взаимодействие между РФ и МФ). Это создает условия для субъектно-центрированного общения, плодотворного научного диалога, формирования чувства компетентности.

Здесь уместно обратиться к некоторым психологическим особенностям партнерского общения. Выбирая идеального партнера по общению, некоторые люди ориентируются на сходство, подобие, другие — на дополительность [21], т.е. они хотят, чтобы партнер обладал теми качествами, которые они ценят, но при этом считают, что сами не обладают ими в полной мере.

В проведенном под нашим руководством дипломном исследовании Н. Фоминых было выявлено, что студенты-психологи III курса ценят в психологе-психотерапевте те качества, которыми они бы хотели обладать, т.е. выстраивают свои имплицитные модели (ИФ), руководствуясь отношением дополительности.

В ряде концепций и практик, существующих в современной психологии, взаимодополнение друг другом внутренних инстанций (личности и сущности [13], субличностей [4], реального и духовного «Я» [19]), диалог между ними (между РФ и МФ) рассматривается как источник личностного роста человека.

Проецируя эти эмпирические и теоретические факты на проблему личностно-профессионального роста субъекта научной деятельности, можно предположить, что дополительность позиций, т.е. четкое осознание своей позиции и одновременное принятие (но не конfluence) позиции другого, отрефлексирование и синтезирование их в контексте такого состояния есть то самое явление, которое М. Бахтин обозначил как «внеаходимость» и которое является условием продуктивного диалога: «Повсюду — определенная совокупность идей, мыслей и слов проводится по нескольким неслиянным голосам, звуча в каждом по-иному. Объектом авторских интенций вовсе не является эта совокупность идей сама по себе, как что-то нейтральное и себе тождественное. Нет, объектом интенции является как раз проведение темы по многим и разным голосам, принципиальная, так сказать, неотменная многоголосность и разноголосность ее» [5, 185]. Такая полифония предполагает четкость, автономность личностной позиции, находящейся в дополительных отношениях с другими позициями, например, с профессиональной.

Отношение дополительности позволяет решать нравственные проблемы в науке и межличностных отношениях. Доминирование лишь профессиональной позиции порождает установку: «Успех любой ценой!». Преобладание личностной позиции приводит к так называемому комплексу непризнанного гения или интерпретации субъектом научных расхождений с коллегами во взглядах как личностного оскорбления.

Проблема дополительности разрешается в рамках глубинной индивидуальной психологии, процесса индивидуализации (К.Юнг), с помощью которого человек становится психологически «неделимым (in-dividual), то есть отдельной сущностью или целым» [27, 21]. Именно это позволяет ему перейти к композиционным отношениям. Субъект научной деятельности начинает осознавать себя частью некоего значимого для него целого (профессиональной общности, научной школы, научного направления и т.п.), но при этом не испытывая страха потерять себя, свое «Я». «Можно предположить, что центральным моментом профессиональной самоактуализации этого типа будет «вымеривание» многообразия мира любыми, переживаемыми как ценностные и истинные, рамками этого целого (и мир предстает как всеобщая иллюстрация представлений моих авторитетов о нем — например, школы гештальтпсихологии, психоанализа и т.д.)» [19, 79]. Предельно заостряя сказанное, кредо ученого может звучать примерно так: «Наука — это теория деятельности, а настоящие ученые — это апологеты данной теории!». Здесь РФ вырастает, ассоциируется, сохраняя свои динамические границы, в МФ.

звучать примерно так: “Наука — это теория деятельности, а настоящие ученые — это апологеты данной теории!”. Здесь РФ вращается, ассоциируется, сохраняя свои динамические границы, в МФ.

Отношения, в которые вступает субъект научной деятельности, как правило, ограничены социальными рамками человеческого существования. В основе комплементарности, подобия, дополнительности и композиции лежат межличностное взаимодействие, подражание, идентичность, авторитетность, привлекательность, референтность, соотношение части и целого и др.

Социальный аспект бытия, как и биологический, не охватывает всех его глубин. Глубже и одновременно масштабнее экзистенциальный аспект. Различия между ними, вероятно, можно проиллюстрировать следующими формулировками: “Наука — это способ реализации себя в жизни”, “Наука — это моя жизнь”. При этом важными становятся уже не диссертации, звания и награды, а уровень, масштаб научных достижений, которые определяет для себя ученый. Перефразируя слова поэта, это уже не истощающая ревность к коллеге-ученому, а возвышающая — к великому Копернику.

Это расширение масштаба, трансцендентирование заключается в самой природе экзистенции. На этот феномен указывает К. Ясперс, говоря, что в любой момент, когда человек делает себя объектом, он одновременно есть нечто большее, чем этот объект [13].

Онтология человеческого бытия “зашифрована” в отношении “Человек-Мир” [3], а из него, в свою очередь, вытекает ряд важных следствий. Первое из них состоит в том, что определение природы и способов существования мира может быть понято лишь через человека. “Вселенная с появлением человека — это осознанная, осмысленная Вселенная, которая изменяется действиями в ней человека... Сама осознанная и осмысленная Вселенная, измененная или могущая быть измененной действиями в ней человека, есть объективный факт” [3, 327].

Второе важное следствие состоит в том, что благодаря своей особой (ключевой) позиции в Мире человек оказывается не только причастен бытию, но и в определенном смысле эквивалентен ему [3].

Отношение эквивалентности, точнее, возможность реализовать её, очень важно для ученого. Во-первых, благодаря эквивалентности, понимаемой как голономичность, при которой часть равновелика целому [19], каждый фрагмент научной деятельности может переживаться и осознаваться субъектом как, фигурально выражаясь, та капля, в которой отражается вся вселенная науки, но взятая под особым углом зрения, подобно тому, как это происходит в голограмме. Тогда утверждение “наука — это жизнь!” действительно наполняется личностным смыслом.

Во-вторых, отношение эквивалентности следует распространить и на взаимодействие субъекта с научным сообществом. Это позволяет представить психологический опыт ученого как опыт всего научного сообщества, но откристаллизованный в форме индивидуально-личностного гештальта [28]. Приобретение субъектом опыта переживания процесса актуализации последнего, его отрефлексирование, могут помочь в преодолении комплекса подавления Высшего [26], активизации процесса самоактуализации и понимании принципиальной безграничности научной самореализации. Вероятно, это становится возможно, когда фокус активности субъекта все больше и больше смещается к диапазону идеального МФ.

Предлагаемую нами модель становления ученого можно рассматривать как майевтическую. Побуждая субъекта научной деятельности проходить через данную систему отношений или содействуя активизации его целенаправленной деятельности по их реализации, мы фактически способствуем не только обнаружению субъектом индивидуально-неповторимого опыта (личностный аспект), но и выращиванию (отсюда и майевтика) особой позиции, способности устанавливать и переживать в пределе особые профессиональные отношения — голономические.

Следует заметить, что научная деятельность, с одной стороны, осуществляется на границе известного и неизвестного, с другой, — в ее основе лежит “эффект горизонта” (функция ИФ), т.е. чем глубже ученый входит в какую-либо область, тем все более расширяются для него ее границы, раздвигаются рамки представлений, укрупняются, усложняются проблемы и т.д. В связи с этим, сопоставляя свои возможности и масштабы научных проблем, он иногда испытывает чувство беспомощности, подавленности (онтологический план бытия).

Здесь же научная деятельность начинает тесно переплетаться с личностными, вернее, экзистенциальными проблемами субъекта жизнедеятельности. По мнению Э. Фромма, человек “вынужден осознать, что, стараясь добыть все богатства мира, безостановочно гоняясь за тем, что, казалось ему, было в его интересах, он утратил свою душу или, как я предпочел бы сказать, свое Я” [24, 134]. Чрезмерная погоня, подчеркнем, именно погоня за успехом, в той же мере как и за богатством, может привести к утрате ученым самого себя, своего Я.

Другой, пожалуй, более важный аспект бытия человека связан с экзистенциальной дихотомией жизни и смерти [24]. Индивид является потенциальным носителем всех человеческих возможностей, однако краткость его жизни делает их реализацию ирреальной. Согласно Э. Фромму, он имеет весьма смутное представление о противоречии между потенциальной и реальной реализацией возможностей, так как постоянно осуществляет свою жизнедеятельность между уже известным и не известным

так как постоянно осуществляет свою жизнедеятельность между уже известным и не известным. Вследствие этого жизни человека присуща потенциальная незавершенность и, как нам кажется, это обстоятельство является могучим источником жизненной энергии. Он учится преодолевать эту дихотомию и в "каждый отдельный момент времени не мечется между жизнью и смертью, а адекватно приспосабливается к ним, активно действует, рискует, творит, преодолевает и овладевает этими формами бытия" [10, 15]. Если бы человек каждый момент сознавал свою смертность, он не смог бы реализовать свои возможности даже в минимальной степени, но, действуя "под знаком вечности" (Спиноза), соединяя в своем сознании конечное и бесконечное, реальное и виртуальное, утилитарное и идеальное, "человекоразмер" и масштабы Вселенной, он действительно становится потенциальным носителем всех человеческих возможностей.

На наш взгляд, во всем этом прочитывается достаточно ясная аналогия с научной деятельностью, которая по своему характеру изначально экзистенциальна. Научный поиск потенциально не может быть завершен (эффект горизонта). История науки знает примеры невероятного упорства и целеустремленности в поиске истины, т.е. научная деятельность обладает огромным энергетическим потенциалом, так как ученый всегда призван действовать "под знаком вечности".

Однако вечность (бесконечность, если рассматривать пространственную характеристику бытия) в силу своей масштабности предстает в сознании человека скорее как некая данность, константность, ментальность. Поэтому между обыденным, конечным существованием и вечностью необходим некий медиатор, который позволял бы соединять в сознании человека казалось бы несоединимое. Более того, этот медиатор [10] должен обладать высочайшей энергетикой, дающей субъекту возможность стремиться к постижению вечности. В качестве его выступает тайна, которая "убедительна, властно-покоряющая необъяснимой силой" [5].

Эти рассуждения позволяют нам перейти к определению некоторых исходных моментов энтелехической модели научной деятельности. В ее основе лежит прежде всего ощущение индивидом, переживание им научной деятельности как процесса соприкосновения с тайной.

Ощущение соприкосновения с тайной, с ее непостижимой, а потому вечно манящей природой, и является основой не только энтелехии, но и синергетических отношений, двусторонних отношений между научной деятельностью, которую осуществляет ученый, и тайной мироздания, бытия. Синергия в этом случае достигается, вероятно, тогда, когда целенаправленное усилие ученого чередуется с непостижимой силой тайны, которая не только способствует прочерчиванию траектории научного поиска (в качестве примеров можно привести такие необъяснимые явления и процессы, как инсайт, ага-эффект, интуицию), но и вбирает в себя элементы человеческой персонализации, человеческие свойства, опыт человеческой истории [10]. В этом взаимообогащении и кроется источник энергоемкости энтелехии.

Литература

1. Аврелий Августин. Исповедь. — М., 1991.
2. Адлер А. Наука жить. — Киев, 1997.
3. Арсеньев А.С. Размышления о работе С.Л.Рубинштейна "Человек и мир" // Вопросы философии. — 1993. — №5. — С. 130—160.
4. Ассаджоли Р. Психосинтез. — М., 1994.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979.
6. Вильгельм Р., Вильгельм Г. Понимание "И цзин". — М., 1998.
7. Воробьева Л.И., Снегирева Т.В. Психологический опыт личности: к обоснованию подхода // Вопросы психологии. — 1990. — №2. — С. 5—13.
8. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. — Л., 1990.
9. Завершнева Е.Ю. Превращенные формы в теории архетипов К.Г. Юнга // Вопросы психологии. — 1999. — № 6. — С. 70—77.
10. Зинченко В.П. Культурно-историческая психология: опыт амплификации // Вопросы психологии. — 1993. — № 4. — С. 5—19.
11. Кузин Б.С. О принципе поля в биологии // Вопросы психологии. — 1992. — № 5. — С. 145—190.
12. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. — М., 1999.
13. Орлов А.Б. Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека // Вопросы психологии. — 1995. — № 2. — С. 5—19.
14. Попов В.Д. Социальный психоанализ субъектов российского рынка // Психологический журнал. — 1994. — № 5. — С. 30—43.
15. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. — М., 1966.
16. Райкрафт Ч. Критический словарь психоанализа. — СПб, 1995.
17. Робин Ж.-М. Экологическая ниша // Гештальт-94. — Мн., 1995. — С. 15—29.
18. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. — М., 1994.
19. Сапогова Е.Е. Дао психолога: феномены психологического бытия // Журнал практического психолога. — 1998. — № 7. — С. 75—86.
20. Словарь иностранных слов. — М., 1979.
21. Сушков И.Р. Социально-психологическая теория Джона Тернера // Психологический журнал. — 1993. — № 3. — С. 115—125.
22. Урсано Р. и др. Психодинамическая психотерапия. Вып. 3. — М., 1992.
23. Флоренская Т.А. Диалог как метод психологии консультирования // Психологический журнал. — 1994.

23. Флоренская Т.А. Диалог как метод психологии консультирования // Психологический журнал. — 1994. — № 5. — С. 44—55.
24. Фромм Э. Человек для себя. — Мн., 1992.
25. Харин С.С. К обоснованию конструкта "онтопсихологические отношения" // Вестник БГУ. Серия 3. — 2000. — № 1. — С. 46—50.
26. Хорошан Ф. Подавление высшего // Психосинтез и другие интегративные техники психотерапии.— М., 1997.
27. Хиллман Дж. Архетипическая психология. — СПб., 1996.
28. Хломов Д., Калитеевская Е. Основные стратегии работы гештальт-терапевта // Гештальт-2000. Вып. 1. — М. — С. 28—37.
29. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. — СПб., 1997.
30. Чудова Н.В. Влияние личностных характеристик субъекта на его представления о партнере по общению // Психологический журнал. — 1993. — №3. — С. 28—37.
31. Эльконин Б.Д. Кризис детства и основание проектирования форм детского развития // Вопросы психологии. — 1992. — № 3-4. — С. 7—13.

[1] Под пассионарностью Л.Н. Гумилев понимает "необоримое" стремление человека к деятельности по осуществлению какой-либо цели (даже иллюзорной). В основе проявления пассионарности лежит биохимическая энергия живого вещества. Пассионарность настолько заряжена биопсихической энергией, что на ее проявление не влияют ни уровень способностей человека, ни уровень психической деятельности. Она может проявлять себя на уровне бессознательного, как "антиинстинкт", и на уровне сверхсознательного, как страсть к творчеству [14].

[2] Энтелехия — в философии Аристотеля — целеустремленность, целенаправленность как движущая сила, активное начало, превращающее возможность в действительность [20].

[3] Терминология А.С. Арсеньева.

[4] "Психотерапевт не переводчик, а проводник. Место, куда совершается паломничество, имеет свое метафорическое название — чистилище, где разрывается круг отжившего психологического опыта, происходят освобождение и прорыв в иное пространство существования" [7, 8].

[5]. Трансдукцией является "всякое действие (физическое, биологическое, умственное, социальное...), благодаря которому "активность постепенно распространяется внутрь области, основывая это распространение на структурировании области, производимого от одного места к другому". Каждая область сформированной структуры служит организующим принципом и моделью для следующей области. Началом формирования, так, что модификация, таким образом, постепенно распространяется одновременно с этим структурированным действием" [17, 24].

[6] Интроекция дает основание предполагать наличие комплементарных отношений между человеком и фиктивными целями.

[7] Свобода отношения к медиаторам и свобода оперирования ими означает, что к ним нужно относиться как к медиаторам и более того: медиатор надо превозмочь, понять его значение и смысл и не позволить ему стать больше, чем ты сам. Иными словами, не позволить ему стать абсолютным образцом и кумиром. В последнем случае медиатор-кумир утрачивает идеальную смысловую составляющую, становится вещью, паутиной, попадая в которую человек "беспомощно бьется, стараясь освободиться" [10, 12].